

ГЛАВА 1

Все окружающее, казалось, вдруг перевернулось, поменялось местами, слилось в одно снеговое пятно. Где земля?! Вместо нее — бескрайнее снежное поле. Блестит что-то в белом вихре перед фюзеляжем «По-2». То ли звезды, то ли огни на дороге — в таком снегопаде и не разобрать. Земля и небо смешались, так что теперь ни пилот, ни штурман не понимали, где летит самолет. Остается лишь ориентироваться на внутреннее чутье: в биплане не задуманы приборы для слепого полета в снежном буране. Даже не различить самый верный ориентир реку Сож — серебристую ленту скрыл снежный вихрь.

— Мы за линией фронта, — сказала штурман 46-го авиационного гвардейского полка. Она определила, что пересекли линию фронта, по времени полета.

Летчица кивнула в ответ. И снова штурман засекала время, еще двенадцать километров от линии фронта до цели.

— Боевой курс!

Девушка за штурвалом точно опустила легкий самолет на нужную высоту, отключила мотор. Самолет пикировал в полной тишине, слышался только негромкий шелест воздуха под крыльями. Именно поэтому немцы называют их авиаотряд «ночными ведьмами»: атакуют всегда в темноте, ночью, без звука, не страшись артиллерии и огня. Только тихий шорох, словно ведьмина метла шуршит.

— Огонь!

Освободившись от четырех бомб, «По-2» взмыл вверх. Сразу загудели моторы, самолет стал разворачиваться — цель уничтожена, можно возвращаться на аэродром. Но яркий луч прожектора осветил самолет с летчицей и штурманом, в ту же секунду заухали немецкие зенитки, затянув все вокруг черным дымом.

— Тоня, бери больше вправо! Ах! — Штурман вскрикнула и дернулась от жгучей боли в боку. Сотни трассирующих пуль жалили с левого фланга крыло самолета, словно огненные пчелы. Взрывы, хлопки со всех сторон. Легкий штурмовик закрутился, протаранил черно-оранжевую стену из выстрелов, вывернул в сторону, накренился вниз и со свистом исчез за черными верхушками высоких деревьев.

По бортам захлестали еловые лапы, все ниже и ниже — 400 метров, 200, 100! Биплан, как легкая лодка, вонзился острым носом в сплетение веток двух накренившихся старых сосен. Винт закрутил вокруг себя мохнатые еловые лапы, расшвыривая снег во все стороны, захрипел и затих.

— Эй, штурман! Приземлились, получилось. Дина, ты что молчишь?! — Летчице казалось, что она кричит изо всех сил. Но она шептала еле слышно, ворочалась, пытаясь повернуться назад к штурману.

Не по размеру огромная стеганая ватная куртка становилась все тяжелее от каждого движения, набухая от пульсирующей из ран крови. Девушка застонала от запоздалого ощущения пронзительной боли в бедре и левом боку, попыталась вылезти из кабины, но рухнула назад. Усиливающаяся слабость лишила ее равновесия, руки перестали слушаться, а перед глазами сгустилась темнота. Словно через толстый слой ваты она услышала скрип снега под обувью человека. Тоненькая фигурка в огромном тяжелом пальто спешила по сугробам, то и дело проваливаясь в сугробы. Девушка в темном пуховом платке подобралась поближе к повисшему между стволов самолету. Она покрутилась внизу — слишком высоко. Сбросила неудобные

валенки и полезла вверх, цепляясь окоченевшими пальцами за мерзлые ветки.

Летчица услышала над ухом чье-то дыхание:

— Вы слышите меня? Вы ранены, у вас кровь. Я из партизанского отряда, связная, Оля, Оля Воробьева. Я сейчас побегу за нашими ребятами в партизанское укрытие. Слышите? Вы держитесь! Мы спасем вас! Два часа, потерпите два часа, и я приведу помощь!

— Стой, — еле слышный шепот остановил партизанку. — Скажи, передай, что мы выполнили задание. Гвардии младший лейтенант Высоцкая и младший лейтенант Полунина.

Голова в шлеме бессильно легла на борт кабины, стукнувшись очками о металлическую раму. Оля коснулась холодеющей щеки молодой женщины:

— Очнитесь, нет, не умирайте. Потерпите! Я приведу, приведу помощь!

Ольга, тихо всхлипывая, шагнула на крыло, цепляясь за край кабины. Вторая девушка тоже мертва. Со стороны казалось, что она просто закрыла на секунду глаза и откинула на спинку кресла голову в летном шлеме. Широкие брови, тонкие черты лица — настоящая спящая красавица. Но Ольга, сунув руку за отворот куртки, еле сдержала крик от ощущения липкой, еще

теплой крови, пропитавшей одежду. Комсомольский билет, красноармейская книжка разбухли и начали сворачиваться под бурными разводами. Девушка из партизанского отряда забрала документы у штурмана и летчицы, бросила прощальный взгляд на их застывшие тела и пообещала:

— Я вернусь! Я расскажу всем про ваш подвиг и про вашу героическую гибель! Мы... — голос ее не слушался, срывался от слез, — похороним вас как героев. Спите спокойно, боевые подруги!

Оля с трудом слезла с дерева. Холод сделал тело непослушным, деревянным. Девушка спрятала за пазуху пропитанные кровью документы отважных летчиц и зашагала через лес. Она не замечала, как на щеках застывают на ходу льдистые дорожки из слез, за годы войны привыкла, что иногда плачет беззвучно. Сколько уже длится война! Третий год она является связной в партизанском отряде, доставляет важные сведения из города, оккупированного немцами, к партизанскому укрытию в глубине лесных топей и возвращается обратно. Проносит в огромном пальто лекарства, шифровки, патроны, продукты. А немцы никак не уходят из города, хоть в партизанском штабе и говорят каждый день о наступлении Красной армии на силы вермахта. Советский Союз уже уверен в своей победе над Гитлером, Левитан по

радио ежедневно докладывает об успешных боях по освобождению Украины и Белоруссии. Наши войска расширяют плацдарм на правом берегу Днепра, отвоевывая в тяжелых боях каждый километр земли. От того Оле было еще печальнее: бедные девчонки-летчицы не успели дожидаться окончательного разгрома фашистских сил. Поэтому она торопилась изо всех сил, чтобы вернуться в город до рассвета и спрятать документы девушек в тайнике. Ночью, как только дежурные на блокпостах потеряют бдительность, связная прошмыгнет мимо них через проход по старому кладбищу, а оттуда двинется в глубину леса. Через четыре часа хода по незаметной тропе она окажется в партизанском отряде, расположившемся в землянках. У партизан есть радиоточка для передачи информации, и тогда в штабе узнают о героической смерти экипажа «По-2».

Связная отважно выполняла каждое задание партизанского соединения, пробираясь через лес в бурю или под дождем. И каждый раз Ольга думала о том, что сведения, которые она собирает и передает партизанам, помогут воинам Красной армии одержать победу над вражескими захватчиками. И тогда в ее город войдет армия освободителей с танками впереди. И в одном из танков

будет ее жених, лейтенант, командир танка Алексей Соколов.

Вдруг в предрассветной тишине раздались автоматные очереди и лай собак. Ольга в тревоге застыла, прислушиваясь к крикам поодаль. Девушка уже почти дошла до второстепенной дороги, ведущей из города до старого кладбища, со своего места она видела перекошенную оградку, что шла вдоль заброшенных могил. Обычно в этой части пригорода было тихо в любое время суток. Ни жителей города, ни немецких оккупантов не интересовала грунтовая дорога, что тянулась пять километров, уходя в лес. Раньше по ней на гужевых повозках перевозили в город срубленные стволы деревьев, чтобы заготавливать дрова, но после авианалетов из-за огромных рытвин и размокшей глинистой почвы пользоваться дорогой было невозможно. Да и немецкая охрана выпускала из городка только с письменного разрешения коменданта. А сейчас по дороге передвигались толпы людей: брели старики в наспех надетых полушубках; шли женщины, прижимавшие к себе грудничков; тащились замерзшие, отчаянно плакавшие дети. Вокруг толпы в несколько тысяч человек двигалось кольцо из рядовых с автоматами в руках. За колонной следовал строй из фашистов. У них на поводках захлебывались от

лая овчарки, чтобы никто из пленников не смог убежать под защиту леса.

Ольга не видела всей картины происходящего, слишком далеко она была от дороги. Но по человеческим крикам, топоту тысяч ног, от которого гудела земля, поняла, что происходит что-то страшное.

И люди в толпе нервничали, изыскивая возможность сбежать из этой колонны смерти. Изможденная женщина с котомкой с трудом несла мальчика лет десяти, шатаясь под тяжестью своего груза. Она с мольбой повернулась к охраннику, показывая обвисшего без сознания ребенка:

— Господин, пожалейте, можно я оставлю ребенка в городе? Умоляю, он болен! Он в бреду! У него тиф! Ему нужны лекарства! Я не могу нести его, у меня нету сил. — Она замедлила шаг перед крупным солдатом в длинной шинели.

Тот не ругался и не кричал, лишь внимательно следил за каждым движением идущих людей. Но он не успел ей ответить, подскочивший разъяренный офицер огрел огромным суком несчастную женщину по спине:

— Молчать, не разговаривать!

От удара та рухнула прямо под ноги солдату, выронив сына. Мальчика, обмякшего и бессильного, подхватили чужие руки, а на упавшую плен-

ницу обрушились новые удары. Движение застыло, женский голос гневно выкрикнул:

— Остановитесь, что вы делаете! Вы убьете ее!
Вы — звери!

Немецкий офицер вытащил «маузер» и выстрелил в голову лежащей на земле женщины. По взмаху перчатки подбежал переводчик-полицай и стал громко переводить слова своего начальника:

— Кто посмеет бежать, будет расстрелян. Кто посмеет сказать хоть слово, будет расстрелян. Кто отстанет, будет расстрелян.

Лейтенант выдернул из толпы старика, трясущегося от холода, скрюченного и безропотного. Одним ударом тяжелого сука он отправил немощное тело в канаву у дороги, вторым ударом добил несчастного. Торжествующе повернулся к обомлевшей толпе.

— Чего встали, свиньи! Вперед, быстрее!

Воспользовавшись заминкой, два мальчугана рука об руку бросились петлять между деревьями. Подальше от хрипов собак и трупов на обочине.

— Герр офицер, смотрите, беглецы! — Полицей указал на удаляющиеся фигурки.

— Взять их! Спустите собак! Вперед!

И тут толпа с криками бросилась бежать от дороги. Люди рассыпались по кустам, прячась за

каждую кочку. Они уже поняли, что впереди ждет верная смерть и надо спастись любой ценой.

— Назад! — Охранники открыли огонь по убегающим.

— Собак, спускайте собак! Боевой цепью по лесу! — Унтер-лейтенант метался по дороге, выкрикивая приказы.

Рядовые бросились за беглыми пленными, поливая автоматными очередями все пространство вокруг, не давая людям поднять голову или спастись в чаще леса. Ольга в растерянности застыла за кустом, не зная, в какую сторону ей бежать. Дернулась всем телом назад, но на скрип снега обернулись двое мальчишек, залегшие в ямки. При виде Ольги они с криками бросились ей навстречу:

— Помогите, спрячьте нас! Они хотят убить нас!

— Тише, тише! — зашептала девушка, пытаясь успокоить детей.

Но те были слишком малы и напуганы, чтобы соблюдать осторожность. И их крики сразу же услышала охрана, невысокий солдат уже прицелился из автомата и выкрикнул:

— Выходите! Возвращайтесь на дорогу!

— Прошу вас! — Оля отодвинула плачущих мальчиков за спину, прикрывая их от выстрелов. — Отпустите, не надо нас убивать.

— Иди на дорогу обратно, или я выстрелю. — Дуло автомата показало на отрезок грунтовки, куда сгоняли пленных.

Деваться было некуда, она взяла мальчишек за руки и повела обратно к пяточку, где снова собирались люди. Часть беглецов застрелили, оставив лежать вдоль дорожных канав. Остальных выстроили и под конвоем повели дальше. Младший из мальчишек был так слаб, что Оле пришлось пристроить его себе на закорки. Сама худенькая и невысокая, она с трудом тащила ребенка, чувствуя спиной, как тот горит лихорадкой и со стоном мечется. Девушка попыталась спросить у старшего мальчика, давно ли заболел его брат, и тут же получила удар прикладом по плечу. «Упасть и притвориться мертвой, а потом отправиться к партизанам, рассказать, что всех из города куда-то увезли. На железку, наверное, везут, чтобы отправить в концлагерь. Надо бежать, спасаться», — мысли у Ольги кружились в лихорадке, ей хотелось броситься прочь, только бы не брести покорно со всеми по разбитой дороге. Но она никак не могла решиться на побег, ведь это значило бросить двух доверчиво прилипших к ней малышей. Наконец их остановили и начали загонять в большие грузовики с брезентовыми бортами. Солдаты безжалостно расстреливали

в упор тех, кто не мог сам подняться. Хрупкая девушка покачнулась и, не выдержав веса ребенка, рухнула прямо лицом в грязь у колес. Под дружный гогот солдат один из рядовых передернул затвор, остальные подбадривали его:

— Давай, Вальтер, застрели русскую дуру с ее щенками.

Молоденький, лет восемнадцати солдат, по виду совсем новобранец, неуверенно топтался, медленно поднимая автомат. Чья-то крепкая рука схватила Ольгу за воротник, потянула наверх, чтобы она смогла перевалиться через борт машины. Пуля, выпущенная Вальтером, ободрала кожу на виске, прошла мимо и оставила прореху в брезенте. Внутри машины Оля прижала мальчиков к себе, рухнула в свободный угол, выплевывая изо рта дорожную грязь. Но тихий женский голос ее остановил:

— Не утирайся, девонька, ходи лучше чумазой, чтобы фрицы не насильничали.

Борт с грохотом захлопнулся, машина резво поехала по ямам и буграм лесной дороги. Ольга спросила в темноту:

— Куда нас везут?

— Не знаем, согнали всех и в чем были погна-ли. Даже детишек не пожалели, — ответили ей из темноты.

Ей ничего видно не было, но, судя по тесноте, в кузове расположились несколько десятков женщин с детьми. Пленницы все еще опасались разговаривать, обмениваясь короткими фразами, стараясь угадать направление движения по тем ориентирам, что были видны в пулевое отверстие в брезенте. Во время первой же остановки разговоры и вовсе затихли. Опять снаружи раздались крики и выстрелы, брезент распахнулся, и в толпу упала новая жертва с разбитым в кровь лицом. Женщины потеснились, давая ей возможность сесть. Но пленниц становилось все больше и больше. Люди в машине стояли, тесно прижавшись друг к другу, а немецкая охрана прикладами и пинками отправляла в кузов еще партии людей. Ребра хрустели от натиска общей массы тел, Оля с хрипом хватала ртом воздух, пытаясь хоть как-то вдохнуть. Машина снова тронулась, набирая скорость. В голове у девушки все плыло, в глазах были огненные круги, но она не выпускала ни на секунду детскую ладошку, а второго ребенка прижимала к плечу.

— Вы откуда прибыли? — Голос у спрашивающей был сдавленным до хрипа.

Ей ответил такой же еле слышный, задавленный теснотой полустон-полухрип:

— С Озаричей мы, Домановичский район.

Ольга из последних сил потянулась вверх всем телом, дернулась в попытке глотнуть воздуха и потеряла сознание, так и оставшись стоять, зажатая столбиком между людьми.

ГЛАВА 2

Черное поле засыпало снегом, колючий ветер пробирался и охлаждал даже через толщу ватной куртки. Но они стояли у своих «тридцатьчетверок», вытянувшись в струнку, внимательно слушая каждое слово человека с генеральскими погонами. Зычный голос командующего 1-й танковой армией, генерала Сапунова, разносился эхом по площадке, где торжественно выстроились почти сто боевых машин со своими экипажами. Танковая бригада, три батальона отважных танкистов на маневренных бронированных машинах. Советские танки «Т-34», ставшие кошмаром для армии Гитлера. Еще в начале войны фашисты даже не знали названия нового среднего танка СССР, презрительно поглядывали на легкие железные коробочки, что с удивительной ловкостью лавировали по полю, пересеченной местности и даже в лесном массиве. Но когда во время ожесточенного сопротивления Красной армии выяснилось, что почти никакой противотанковый арсенал не

пробивает броню нового изобретения «Иванов», вот тогда им пришлось заучить название машины «Т-34», которая с каждым боем обростала все большим количеством легенд.

Главнокомандующий Рабоче-крестьянской Красной армии Иосиф Сталин во время представления в Кремле нового гусеничного оружия недаром назвал его «ласточкой наших бронетанковых сил». Простой в ремонте в полевых условиях, с мощной пушкой, работающий на доступном дизельном топливе танк под управлением отважных экипажей творил во время сражений чудеса. Поэтому несколько заводов в Нижнем Новгороде, Челябинске, Омске и Нижнем Тагиле работали несколько лет на полную мощность, отправляя эшелоны с сотнями новых «Т-34» на фронт.

Алексей Соколов, который с первого дня войны стал командиром легендарного «Т-34», сейчас при звуках генеральского голоса чувствовал радостный озноб. Он был горд, как и каждый в этом строю, стать частью 1-й танковой армии Белорусского фронта. Более того, он гордился тем, что его и экипаж откомандировали в героическую 1-ю гвардейскую танковую бригаду. А еще отметили за их последнюю вылазку в тыл фашистов невероятной честью: сегодня во время строевого смотра пулеметчик-радист экипажа,

с которым Соколов сражается против врага бок о бок в одном танке практически с первого дня войны, младший сержант Омаев держит в руках боевое знамя.

— Танкисты! С сегодняшнего дня вам предстоит сражаться за Родину под командованием гвардии полковника Тенселя. Герой Советского Союза, отважный полководец, герой. Вы станете частью мощной силы — армии легендарных советских танков! Ваш командир поведет вас к победе над проклятыми захватчиками нашей страны!

Вперед шагнул крупный мужчина в светлой папаче и шинели, темноволосый, с пышными усами на округлом лице. Полковник Тенсель Борис Абрамович снял головной убор, обнажив кудри с густой проседью, тяжело опустился на одно колено перед знаменем, задубевшим от крови погибших рядовых и офицеров, и прижал его край к губам. Командир поднялся на ноги, обвел строй пытливым взглядом, его теплые карие глаза словно заглянули в душу каждому танкисту на импровизированном плацу.

— Бойцы, танкисты! Немцы убили всю мою семью! Я знаю, что у каждого из вас есть такой же тяжелый груз на душе. Я клянусь, что мы разобьем армию Гитлера, прогоним с нашей земли

и отомстим за смерть каждого советского человека. Клянусь, что приведу 1-ю танковую ударную бригаду в Берлин!

Его речь, словно пламя, зажгла внутри людей надежду и укрепила веру, что они одержат победу в кровопролитной войне! Ответом комбригу был радостный крик тысячи голосов, что поддержали его русским мощным: «Ура! За Родину!»

* * *

В натопленной землянке опорного пункта Руслан Омаев, захлебываясь от гордости, пересказывал в который раз, как полковник давал клятву на знамени, что было в руках у молодого ефрейтора. Вокруг гудели взбудораженные танкисты, хоть и видели они все своими глазами, но до сих пор были потрясены до глубины души поступком комбрига.

— И чего ты, испужався, шо тебе сейчас командыр по шапке даст при хенерале? — расспрашивал чеченца коренастый парнишка с забавным украинским говором.

— Не по шапке, подумал, может, форма у меня не в порядке или знамя косо держу. Что сейчас командир замечание сделает при всей бригаде, — сморщился Руслан от закипающей обиды.

Парень, выросший в горах Кавказа, был горяч и бурно реагировал даже на безобидные шутки.

— А он раз и на ноху припав, у mine аж рот открывси, — не унимался парнишка.

Он до сих пор был в своих воспоминаниях там, на поле, среди выстроившихся танков, замерших в торжественную минуту экипажей. Где над белым, засыпанным свежим снегом полем развевалось алое знамя с отметинами от пуль и следами пролитой крови бойцов Красной армии — символ их воинской доблести и отваги. Наводчик экипажа лейтенанта Соколова, высокий и могучий сибиряк Василий Иванович Логунов поддержал разговор:

— Усы у полковника знатные и взгляд орлиный, ну вылитый Буденный. Я его в Москве видел, он после финской в награждении участвовал. Сегодня нашего комбрига увидел и сразу Семена Михайловича вспомнил, такой же орел! — Он повернулся к водителю их танка, пожилому мужчине, сержанту Бабенко, который после недавнего ранения был в тугом корсете из бинтов: — Сема, а тебе как наш комбриг глянулся, скажи же, бравый вояка?

Но сержант даже не услышал его вопроса, до того ушел в свои мысли. Семен Михайлович вздрогнул, когда боевой товарищ легонько хлопнул его по плечу:

— Ты чего загрустил, Семен? Ребра ломит? Так давай прими лекарство, у меня стекляшка, полная спирта, берег как раз, если занеможится кто. Сразу как рукой снимет боль. И спать завалишься, пока в наступление не отправили, — предложил Логунов.

— Да нет, это я так. Душевные терзания, — сказал смущенно Бабенко и махнул ладонью.

Среди бравых танкистов, крепких бойцов, пожилой водитель «Т-34» выделялся мягкими, интеллигентными манерами, спокойным нравом. Экипаж любил его не только за виртуозное управление «тридцатьчетверкой», все-таки Бабенко всю жизнь проработал испытателем на Харьковском станкостроительном заводе и чувствовал машину нутром, но и за отеческую заботу об остальных членах их боевого экипажа. Воевали танкисты бок о бок в тесном «Т-34» почти с самого начала войны, прикипели друг к другу душой. Особенно Семен Михайлович, который так и не обзавелся семьей за долгую жизнь, внимательно следил за тем, чтобы доставался и котелок с горячей кашей, и местечко под сухим брезентом младшим членам экипажа: наводчику Николаю Бочкину и радисту Руслану Омаеву. По званию старший лейтенант Алексей Соколов был, конечно, старше мехвода, но из-за разницы в возрасте

Семен Михайлович опекал и своего командира, так как знал, что тот, часто увлекшись размышлениями над картами местности, мог забыть о еде и отдыхе. Вот и сейчас Алексей оторвал затуманенный взгляд от топографической карты:

— Семен Михайлович, может быть, все-таки в госпиталь? Врач ведь сказал — вам надо пару недель, чтобы восстановиться. Вид у вас действительно не боевой.

— Да полегчает. — Бабенко тяжело вздохнул.

— Или вы из-за Зверобоя переживаете? Я тоже вот смотрю, в какую сторону начнется наступление, всего сто двадцать километров до места, где мы его сохранили. Не переживайте, до конца месяца отобьем назад наш танк, ремонтники его подлатают, и снова в строй встанем. А пока будем ездить на новой машине, завтра эшелон прибывает прямиком с завода.

Любимую машину под номером 007, танк «Т-34», на котором они прошли много километров и выдержали десятки атак германских войск, пришлось оставить во время последней операции в тайном укрытии на территории, оккупированной немцами. Все члены экипажа переживали из-за потери машины. Танк, которому дали имя Зверобой — в честь любимого литературного героя Коли Бочкина, поклонника книг Фенимора Купера, — стал

для них полноправным боевым товарищем. Зверобой был их домом и надежным укрытием от вражеских снарядов. И решение оставить танк в холодном окопе, замаскировав брезентом и ветками, далось командиру нелегко. Но для спасения тысяч людских жизней пришлось им на время распрощаться с верной «тридцатьчетверкой». И теперь танкисты рвались на передовую, как можно быстрее в бой, чтобы отвоевать обратно своего бронированного товарища.

— Из-за танка тоже. — Семен Михайлович не знал, как начать разговор. Но и носить в себе мучительную тайну не было сил, да и без разрешения командира не решить ему свою проблему. — Я еще из-за женщины одной расстроен.

Бедного сержанта словно кипятком окатило от смущения, ему казалось, что все разговоры в землянке затихли от его признания. Он заговорил быстро, стараясь не показать, насколько смущен:

— Перед тем как мы получили задание и отправились за линию фронта, я познакомился со служащей из банно-прачечного отряда Нелей, певицей, и передал ей через нашего Николая письмо. Не просто письмо... с предложением руки и сердца. И она ответила, что согласна, через Колю передала. А сейчас мы получили распределение в новую бригаду, и получается, будто я обманул

бедную женщину, пропал — и с концами. А наше расположение всего километрах в двадцати до деревни, где штаб расквартирован. Вот мучаюсь, увидеться бы с ней и выполнить обещание.

— Но, Семен Михайлович, так ведь загсы не работают, — удивился Соколов. — Война все-таки, не до того.

— Да, конечно, вы правы, Алексей Иванович, я даже не подумал об этом, — поник Бабенко и снова с тоской уставился на языки огня, лизавшие поленья в походной печурке.

Брезентовый полог, служивший защитой от ветров и холода, откинулся. Показалось курносое лицо.

— Здравия желаю, товарищи танкисты! Кто тут из экипажа старшего лейтенанта Соколова? К командиру бригады вызывают, — сказал ординарец и тут же шагнул внутрь, протянул озябшие руки к огню. — Ух, озяб, мороз крепчает. Давайте собирайтесь, я провожу к его окопу да побегу дальше ротных собирать на совещание.

Танкисты захлопотали, поправляя ремни, воротнички, проверяя, не разлохматились ли волосы. Перед новым командиром хотелось им выглядеть опрятными, как и велит бойцам воинский устав. Тем более прибыли они в распоряжение батальона сегодня утром, на попутке, без боевой

машины. Не хочется произвести впечатление никудышных танкистов, которые мало того что без танка остались, так еще и за собой не следят.

Гуськом, следом за ординарцем, экипаж ступил в ход между траншеями, потом поднялся наверх. Чтобы при бомбардировке снаряд не уничтожил всех бойцов одним ударом, временные жилища окопали по всем правилам, на расстоянии двадцать метров друг от друга, соединив неглубокими траншеями для сообщения и протяжки кабеля до места расположения командира. Рядом с его землянкой оборудовали радиоузел.

В синеватом сумраке ночи звезды тускло освещали белое поле, танки и полевые позиции не были видны под маскировочными сетками. С тяжелым гудением над полем завис «Хеншель-126», немецкий самолет-разведчик.

— Вот фриц поганый, — выругался ординарец и, пригнувшись, побежал к следующему укрытию в земле. Внизу дождался танкистов и сплюнул в сторону разведчика люфтваффе. — Так и липнет, значит, бомбами скоро обсыпят или из пушек начнут палить немцы. Чуют свою смерть, мечутся. Эх, только бы городок наш не заметил.

Ветерок донес аромат махорки, наверху мелькнул огонек козьей ножки, и ординарец рывкнул в темноту:

— Ну-ка, кто там с махрой балуется, светомаскировку нарушает?! Не видишь, надоедливый «костыль» над головой мотается. Марш в траншею, или сейчас на гауптвахту прямиком зашагаешь, накуришься там вдоволь.

От сурового тона помощника комбрига нарушитель закашлялся и мгновенно погасил самокрутку. Грозный ординарец затопал мягкими валенками по вырубленным ступенькам вниз, где из бревен в накат было сооружено временное пристанище для опорного пункта командования танковой бригады.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию экипаж танка ноль-ноль-семь прибыл, командир отделения старший лейтенант Соколов!

— Давай-ка, Соколов, заходите, поближе подходите к свету. Хочу рассмотреть героев. — Полковник поднес свечку почти к лицам танкистов, осветил прибывших. Расплылся в улыбке при виде знакомого лица. — И знаменосец мой тут. Давайте представляйтесь как положено, звание, кто есть кто!

— Старшина Логунов! — гаркнул во весь голос силач Логунов, из-за высокого роста ему приходилось стоять с опущенной головой в низком жилище.

— Ефрейтор Бочкин, — вслед за ним отрапортовал и Николай, который был Логунову не только боевым товарищем по танку, земляком из

сибирской деревни под Омском, но и названным сыном. Поэтому он всегда тотчас же норовил повторить все за приемным отцом.

— Младший сержант Омаев, — лихо вскинул руку к пилотке Руслан, польщенный личным вниманием командира танковой бригады.

— Сержант Бабенко. — Голос водителя звучал совсем тихо, после пробежки и прыжков каждое усилие вызывало у него мучительную боль в отбитых немцами боках.

— Ну что ж, экипаж «Т-34» под командованием старшего лейтенанта Соколова, — голос комбрига вдруг зазвучал торжественно, — за проявленную доблесть во время военной операции, за выполнение воинского долга вы награждаетесь медалью «За отвагу»!

Тенсель вытащил из чемоданчика, лежащего на суконном одеяле, пять светлых кругов на серых лентах, лично приколот каждому на грудь и пожал руку.

— Молодцы, ребята! Благодаря таким отважным бойцам, как вы, мы гоним с нашей земли проклятого Гитлера! Рад, что будете служить в моей бригаде.

Растерявшись от неожиданной награды, они топтались, переглядываясь друг с другом, но Тенсель уже посуровел, сдвинул густые брови.

— Соколов остается на совещание командиров роты. Для вас, товарищ Логунов, новый приказ. С экипажем сейчас к полигону, там у самого края стоит «КВ» с номером сорок три. У него после обстрела пушку заклинило, как тягач его будем использовать, если кто в грязи застрянет. Но это позже. Сейчас возьмете на борт пять парней покрепче и двигайтесь на север километров пять-семь как можно быстрее. Разведка воздушная прошла, жди теперь «Юнкерсы». Ваша задача — доставить отряд на открытую местность, квадрат А-28 подойдет. — Полковник поднес свечу к карте. — Уходите как можно дальше от полигона, на данной местности обустройте несколько костров, также оборудуйте огневую точку для пулемета с трассерами. Надо приманить немецкие воздушные силы на ложные наземные цели, отвлечь от замаскированного полигона. Задача ясна? Постреляйте, пошумите, но сами из укрытия не высывайтесь. Ни один из личного состава не должен погибнуть, понял, старшина?

— Так точно, товарищ полковник, есть организовать выезд отряда прикрытия!

— Выполняйте! Ординарца моего возьмите, Тимофеева, он вам покажет, где ребята помоложе, успел уже с личным составом познакомиться.

Абрам Матвеевич кивнул командиру танкового отделения, и танкисты отправились к выходу.

Наверху уже раздавался топот ног, ординарец собрал ротных командиров на совещание в землянке командира бригады.

Выйдя из землянки, Логунов, всегда собранный и спокойный, приказал:

— Семен, ты обратно в укрытие. И не возражай, рычаги у «КВ» тягать тебе сейчас не под силу. Танк сейчас, считай, как трактор будет служить, так что ты остаешься в лагере. Омаев с Тимофеевым — на сбор отряда. Руслан, захвати трассеры, топоры, бензин для розжига. И если найдешь, то захвати ракетницу. Света от нее много, пригодится. Николай со мной, заводить «КВ». Скорее всего, он промерз от холода, надо кипятка набрать в нашей землянке, прогнать по системе. Вперед, ребята, через полчаса выдвигаемся.

Темные фигуры разошлись в разные стороны окопных ходов выполнять каждый свою часть работы.

В землянке стало тесно от множества людей, которые заполнили все пространство. Но Генсель с радостью смотрел на офицерский состав танковой бригады — уже скоро он поведет их в бой и покажет немцам всю мощь русских танков. Опытные и совсем еще юные командиры подразделений, всего два батальона из 65 машин «Т-34», в каждом по три роты. Восемь боевых

офицеров, с которыми он уже воевал, а кого-то увидел впервые.

— Товарищи офицеры, сейчас ознакомлю с приказом командования. После совещания командиры батальонов и рот ознакомятся со сформированным списочным составом подразделений. Перед нами поставлена задача: действуя в передовом отряде армии, прорвать оборону противника в северо-западном направлении. Линия Белорусского фронта сейчас в 20 километрах от железнодорожного полотна. Нам предстоит сбить заслоны противника и занять три важных плацдарма, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение Красной армии.

Соколов, внешне невозмутимый, про себя ликовал. Наступление пройдет в направлении реки Сож, возле которой они оставили в огромном аппареле верного Зверобоя. Они смогут освободить своего друга и вернуть его к жизни. Поскорее бы в наступление!

* * *

Тем временем его экипаж уже мчался на завешенном «КВ» по окраине лесного массива. В танке Василий Иванович ловко двигал рычагами, пока Бочкин, высунувшись из люка, смотрел, чтобы машина не сбилась с маршрута. Смотреть

приходилось во все глаза, включать фары было запрещено для соблюдения режима светомаскировки. Тяжелый танк то и дело продавливал хрупкий наст, ныряя в темноте носом в ямки, которые были не видны среди сугробов.

Омаев с уважением посматривал на приятеля, который превосходно разбирался в карте — провёл машину точно по краю поля, вывел на лесную дорогу, а теперь сосредоточенно высматривает поворот к нужному квадрату. Сам же он придерживал на броне тяжелый пулемет и булькающую канистру с бензином. Рядом, на теплом от работы двигателя брезенте, примостились несколько человек, которых вызвал Тимофеев для выполнения задания комбрига.

— Это командир ваш? Молодой такой. — Сосед справа попытался завязать разговор с Русланом. — Наш вот опытный, Афанасьев, всему научил меня, а то я раньше трактор водил, а тут танк. Только дерется больно: чуть что не так, подзатыльник отвешивает, а где и сапогом наподдаст сверху. Но по делу все, справедливый. Да и я уже прилачился, с закрытыми глазами по полю могу проехать.

— Зачем с закрытыми? — удивился чеченец. Лица своего случайного собеседника он не видел, но по голосу определил, что тот совсем еще молодой, лет двадцать, чуть младше самого Руслана.

— Да не мог я раньше смотреть, как танк веду прямо гусеницами по мертвым. Вот и закрывал, а он меня за это и сапогом по шее да по спине, — бесхитростно сказал парнишка.

Они оба замолчали, каждый навидался смерти и своих солдат, и чужих, постепенно привыкая сдерживать крик и гнев от такого зрелища. Ужасы войны, близкая смерть во всем ее уродстве стали ежедневной рутинной. Для того чтобы люди не сошли с ума, приходилось молодым людям загонять глубоко внутрь бурю эмоций.

«КВ» остановился, и Руслан прошептал Коле, не дожидаясь появления Логунова:

— Пойдем обойдем поле, надо наметить несколько огневых позиций. Будем давать очередь и перетаскивать пулемет как можно быстрее, чтоб сбить самолеты с толку.

Бочкин охотно подставил плечо под тяжелые станины, и парни бодро зашагали по сугробам, выглядывая ямку или овражек, где можно будет укрыться. Остальные отправились с топорами сооружать костры, чтобы запалить их как можно быстрее. Наверху небо уже наполнялось характерным гудением от шума летящих штурмовиков с прикрепленными под брюхом авиабомбами. Василий Иванович протиснул надсадно воющий танк прямо между кольцом из елей,

изрядно ободрав деревьям бока. Но времени на поиск укрытия для танка получше уже нет, «Юнкерсы» быстро приближаются. Логунов со всех ног бросился бежать по следам парней, огибая полянку.

Вдруг из черной пелены показалась черная тень самолета, взвыли сирены. «Сейчас бомбанет, не успел я. Подвел командира», — мелькнуло в голове у Василия. Жуткий вой нарастал с каждой секундой, специальная сирена в виде винта на левой стойке самолета начинала жутко стонать при увеличении скорости, чтобы летчик мог узнать по высоте звука скорость пикировки. Это знал и Бочкин, который с ужасом выкрикнул, глядя на кружащийся в воздухе «Юнкерс»: «Там, дядь Вася!»

Одним движением он выдернул из-за ремня сигнальную ракетницу у Руслана и послал вверх трассер с длинным ярким хвостом. Ракета прочертила плавную дугу по левому флангу зависшего «Юнкерса», вспыхнув прямо под крылом. Немецкий летчик сразу среагировал, снова набрал высоту и направил самолет к месту, откуда был выстрел. Он свалился на крыло и круто бросился вниз по ложному ориентиру.

— Бежим! — Руслан с пулеметом на плече потащил Кольку как можно дальше, к черному пролому в сотне метров от них.

Это их спасение, на таком расстоянии будет лишь легкая контузия и их не настигнет осколочное пекло. От самолета отделились два черных кружка и начали стремительно падать, а бомбардировщик, выходя из пике, стал набирать высоту.

Бочкин и Омаев только добежали до крутого оврага под стон сирены, как грохнул страшный взрыв. Вверх поднялась волна земли вперемешку со снегом. Ударной волной парней ударило по ногам так, что они кубарем скатились по плотному снегу, словно с горки, машинально упираясь ногами, чтобы замедлить падение. От жутких ударов вздрагивала земля, бомба пробуравила ее на несколько метров в глубину, оставляя огромные обугленные края, осыпая осколками все живое вокруг в радиусе километра. «Юнкерс Ю-87», «штука», сбросив смертельный груз, ушел за пелену облаков. Молодые танкисты с трудом поднялись, откашливаясь и выплевывая снег, набившийся в глаза, нос и рот. Дыхание сорвалось до хрипа от смрада сгоревшей начинки бомбы, внутренности вибрировали, тело горело огнем, будто после драки.

Логунов с трудом открыл глаза, в ушах звенело после взрыва, весь мир вокруг качался, то и дело ускользя из-под ног. Он попытался встать, но никак не мог совладать с разбегающимися конеч-

ностями. Но это было полбеды, плохо было то, что он провалил операцию, подставил Кольку с Русланом! Кто-то из них выстрелил из ракеты, чтобы отвлечь пилота бомбардировщика от танка, и тот направил бомбы прямо в мальчишек. Коля с Русланом приняли удар на себя. Ему хотелось завывать от отчаяния.

Небо снова глухо зашумело, воздух завибрировал — новые «Юнкерсы» несли следующие бомбы. В висках заныло от тягучего тоскливого свиста пикировщиков. Но тут вспыхнула и заклубилась черным дымом полоса в лесном массиве, куда отправились остальные члены отряда, согласно приказу командира отряда. Танкисты облили бензином и подожгли кучу сырого валежника. Мерзлые ветки еле тлели, исходя больше удушливыми клубами дыма с оранжевыми проблесками пламени, но этого хватило. Привлеченные светом огня «Юнкерсы» ушли от полянки и начали кружить над новой целью, то и дело исчезая в черном слое облаков, чтобы набрать высоту перед пикированием. Сейчас будет новый удар, и опять земля заходит ходунном.

От ярости Логунов позабыл про осторожность и задание полковника Тенселя. Шатаясь, он бросился бежать назад к «КВ». Он должен отомстить за своих ребят, заставить молчащий танк стрелять!

Внутри машины башнер на ощупь нашел броневой снаряд в боезапасе, загнал его в казенник и прижался лицом к нарамнику прицела. Вот начал нарастать жуткий вой, самолет стал делать вертикальный спуск для сброса бомбы. Василий навел прицел на черный столб дыма, над которым снижалась немецкая «штука», интуитивно нашел нужную высоту, задрал танковую пушку максимально высоко, и нажал спуск. Пушка сработала. Выстрел! Танковый снаряд попал точно в брюхо снижающегося бомбардировщика, отчего тот вспыхнул огромным огненным шаром, разлетелся в стороны черно-оранжевыми осколками и с воем рухнул, накрыв собой маленькое костровище.

Второй «Ю-87» чиркнул крылом по верхушкам сосен и ушел вверх, выйдя из пике. «Сейчас вернется к поляне искать, откуда был выстрел», — догадался Василий. Он лихорадочно крутил ручки настройки прицела, пытаясь по гулу угадать, где сейчас из черного слоя туч появится вражеский самолет. Вдруг темноту над противоположной стороной поля разорвала оранжевая светящаяся линия, со стрекотом заговорил пулемет, выпустив длинную очередь из трассеров.

«Живы! Они живы, снова немца отвлекают!» — заликовал Логунов, еще теснее прижавшись к приборам видения. Он определил в тем-

ноте точку прицела в небе, полагаясь больше на слух, чем на зрение, и снова выстрелил. Мимо! Звук двигателя стал затихать, «Юнкерс» уходил все дальше от места сражения. И снова жуткий стонущий вой. Пике перед сбросом бомбы! Была не была! Василий зарядил фугас и прицелился в пустоту, в черные облака, за которыми прибывал тоскливый стон, переходивший в жуткий рев. «Штука» стремительно неслась вниз перед бомбардировкой. В открытый люк ворвался рев сирены. Выстрел! Вой внезапно захлебнулся, перешел в пронзительный свист с хлопками. Бомбардировщик с изломанным крылом, которое по касательной срезал снаряд «КВ», закрутился вокруг своей оси, прочертил в небе кривую черную полосу и рухнул носом вниз, в ели, на расстоянии пары сотен метров от танка. Бомба на брюхе «Ю-87» ухнула, взлетела вверх оранжевым кольцом пламени, опалила и раскрошила деревья вокруг. От взрыва танк загудел, завибрировал так, что Василию показалось, будто его с размаху ударили с двух сторон по голове, а зарево пожара окатило его, будто кипятком, по плечам и спине. Казалось, бомба упала прямо на него своими сотнями килограммов взрывчатки, вдавив в железное днище танка. Ребра стиснуло так, что он не мог даже сделать вдох. Оглушенный от боли Логу-

нов со стоном упал на днище танка и потерял сознание.

Очнулся Василий от ощущения холода, кто-то елозил по лицу снегом и повторял как заведенный:

— Дядь Вась, ну очнись, ну давай. Дядь Вася.

Второй с раздражением прикрикнул:

— Да не трясись ты его, Колька, при контузии нельзя шевелить. Давай лапы руби, надо волокушу делать. И так еле вытащили из танка.

— Отставить ругань, — прохрипел командир отряда.

— Живой! — Бочкин со всей силы обхватил Логунова за плечи.

Командир стряхнул пасынка с себя — не время для чувств. В голове гудело, перед глазами стояла пелена, казалось, что мир вокруг завешан черной вуалью. Он с трудом повернул голову: танк на месте, парни из его отряда замерли с канистрой, Колька и Руслан — с пулеметом. Все ждут приказа командира.

— Будем продолжать приманивать «Юнкерсы».

Логунов тяжело поднялся, земля уходила из-под ног, так что пришлось навалиться на плечо Бочкина. Нельзя проявлять слабость, и так чуть не сгубил этих отчаянных парнишек. Надо исправлять ошибки и готовиться к следующему налету. Он с трудом разлепил губы, чтобы отдать приказ:

— Снимайте сейчас портянки, смачивайте бензином и рассредоточивайтесь по квадратам. Двое, квадрат три, уходят к лесной полосе по южному краю. Еще пара, квадрат два, на противоположную сторону поля. Омаев и вот ты. — Он ткнул пальцем в круглолицего парнишку.

— Рядовой Забельский, — отозвался тот, и Руслан опознал по голосу своего собеседника, что жаловался на строгого командира.

— Омаев и Забельский, квадрат один, на огневую точку у края оврага. Показывается немецкий самолет — по очереди запаливаете фитили и костровища. Сначала работает пулемет с трассерами, потом квадрат второй и далее третий дают световой ориентир для вражеского самолета. Как только обозначили для бомбардировщика цель, сразу покидаете место и ныряете в укрытие. Радиус покрытия осколками до двухсот метров, уходите на это расстояние, чтобы вас не посекло. После того как отработали боевую задачу, смещаетесь на километр южнее относительно леса. И снова по схеме — первый квадрат шлет трассер для имитации цели, после сброса бомбы второй поджигает ложный ориентир, и так далее. Понятно?

— Так точно, — протянул хор голосов.

— Выполняйте. Действуем самостоятельно, не геройствуем. Наша задача — отвлечь противника.

Бочкин дождался, когда бойцы разойдутся каждый в свою сторону, и спросил:

— А мне что делать?

— А мы с тобой, Николай, будем сбивать самолеты. В «КВ» пушка заклинила, а теперь стреляет. В пике летчик не видит, откуда произведен выстрел, поэтому нас не обнаружит, а мы ему уйти обратно за линию фронта не дадим. Только танк брезентом прикрой. И ты наводить будешь по моим целеуказаниям. У меня глаза еще не заработали после ударной волны.

Только пасынку Логунов смог признаться, что после легкой контузии он не в силах навести прицел пушки. Руки мелко дрожали, а картинка перед глазами расплывалась, все предметы превратились в черные мутные силуэты. Такое состояние может продлиться минуты, а может и дни. Только выполнить задание комбрига надо во что бы то ни стало, так велит устав, так велит долг военного.

Командир с трудом захромал в сторону засывшего танка, состояние у него было отвратительное. Бочкин сейчас лучше его справится на посту наводчика. Сейчас стрелок из него не самый меткий.

Колька шел рядом, рассказывая, как они с Русланом улетели от взрыва в овраг:

— А потом «КВ» выстрелил, и я кричу: «Руслан, стреляй! Давай трассер, а то «Юнкерс» бомбу прямо на танк скинет». И он дал! И мы бегом по дну оврага подальше. А он завыл и за деревья завалился, подбил ты два самолета, дядь Вась. Орден за такое дают!

«Ты живой — вот мой главный орден», — усмехнулся про себя Василий Иванович. Еще в самом начале войны, когда он попал с Бочкиным в один танк, опытный командир дал себе зарок, что вернет парнишку домой живым. С его матерью, Любой, Василий встречался перед тем, как началась война и была объявлена мобилизация. Поэтому не просто привык командир к своему заряжающему, а считал его практически родным сыном, оберегая от ходившей всегда неподалеку смерти.

А Колька, радостный от новости, что Василий Иванович не погиб от удара бомбы, трещал без умолка:

— Еще прилетят «Юнкерсы»? Как так получилось-то их подбить, темно же, ничего не видно? Ух, я там в овраге уже думал: все, не выбраться нам отсюда.

— По звуку будем ориентироваться и бить вслепую над тем квадратом, который загорится по счету, — объяснил Василий. — Куда-нибудь

да попадешь, самолет большой, а любая поломка в воздухе сразу весь летательный аппарат на землю отправит.

Они еще три часа почти до самого рассвета ждали «штуки» со смертельным грузом, но «Юнкерсы» так больше и не решились на новый полет. Несколько часов Логунов провел над люком с биноклем, высматривая в небе черные тени, прислушиваясь к звукам наверху. Внизу Бочкин крутил ручки наводки, засыпая башнера вопросами. Ему очень хотелось тоже сбить самолет, поэтому тренировался парень с азартом, рассчитывая градусы и повороты дула по прицельной сетке.

Когда на востоке посветлел горизонт, Логунов отдал команду подчиненному:

— Собирай ребят обратно, можно возвращаться в ОП. По такому небу они не полетят, побоятся наших зенитчиков.

* * *

Соколов до рассвета не мог найти себе места. Он то и дело выходил из землянки, прислушивался к звукам выстрелов и взрывов севернее танкового полигона, переживал, как справится с заданием Логунов. Чтобы отвлечься, старший

лейтенант рассматривал список своей роты, вспоминая вчерашнее знакомство с танкистами и командиром батальона, куда его зачислили вместе с экипажем. Командир батальона, капитан Лавров, совсем еще молодой, чуть за тридцать лет. Легкая щетина, взгляд с прищуром, проворные движения. Он сразу деловито распорядился:

— Товарищ старший лейтенант, вам в роту отрядили самые лучшие экипажи, наш батальон будет передовым отрядом во время прорыва, а ваше отделение — штурмовым. Задачу и общий план наступления комбриг обозначил, жду от вас завтра схему маневров ударной группы. Ваша цель — железнодорожный узел, там множество инженерных сооружений: перегон и товарная подстанция. Утром укомплектуйте роту машинами, боезапасом. Утром же придет разведка с информацией о немецких укреплениях в линии обороны. Днем жду вас с докладом, обсудим намеченный план. Через сутки идем в наступление.

— Есть, товарищ командир. — Соколов сразу представил себе в голове карту местности, которую изучал последние сутки.

А Лавров совсем не по-военному, доверительным тоном вдруг пояснил:

— Там важная ветка, надо ее сохранить, она связывает с половиной Белоруссии. Подумайте,

товарищ Соколов, как нам аккуратно захватить этот плацдарм. Я наслышан, что вы хороший тактик, надеюсь, у вас появятся задумки.

— Я подумаю, товарищ капитан, спасибо за доверие. Если не возражаете, переговорю еще сам с разведротой, узнаю все, что требуется, из первых уст. Каждая мелочь важна.

— Конечно, — кивнул Лавров. — Действуйте.

И теперь Алексей мучился из-за того, что время тянулось очень долго. Побыстрее бы уже переговорить с разведкой, что переходила ночью линию фронта, получить технику и снаряды, распределить танковые отделения по позициям, объяснить боевые задачи. Чтобы отвлечься, он уже в который раз уселся рядом с самодельной печкой, от которой падал отсвет от огня, и принялся изучать карту местности. Вот квадрат, о котором говорил капитан Лавров. Небольшой железнодорожный переезд, даже название населенного пункта говорит само за себя — Глушняки, пара домишек и никаких заводов, лесопилок, даже школы нет. Буквально в десяти километрах большой колхоз «Коммунист» с ремонтными мастерскими, школой, больницей, где немцы разместили свои основные силы. Именно туда запланировал нанести основной удар командир танковой бригады, направив батальон из «Т-34» с поддерж-

кой стрелков и мототехники. А роте Соколова достался вот такой ничем не примечательный рубеж, но это лишь для неопытного глаза.

На карте черные параллельные линии железнодорожного полотна сходились со всех сторон возле этой глухой деревеньки на окраине района, сливались в самый сложный транспортный узел, на котором формировались составы для отправки. В отбойниках стояли товарные вагоны с боеприпасами, горючим, провиантом для немецкой армии. Если фашисты решат повредить железнодорожную развязку, то позже Красной армии придется туго. Помимо боев и линии фронта есть еще невидимая работа техников, ремонтников, медиков, связистов. Каждый день из тыла отправляются эшелоны с едой, медикаментами, теплой одеждой, оружием. Без поддержки миллионов мирных граждан, которые работают из последних сил для нужд фронта, для передовой, не было бы победного шествия советских бойцов. Поэтому наступление в районе Глушняков поручили отряду Соколова, именно от него ждали командиры батальона и бригады ведения хитрой тактики боя, чтобы в пылу сражения не были разрушены важные инженерные сооружения, не обескровлена железнодорожная артерия между тылом и передовой. И он крутил карту,

мысленно раз за разом прорисовывая танковые маневры.

Когда затихли взрывы и выстрелы, Соколов наконец успокоился, подвинулся поближе к печке, подкинул дровишек и решил дождаться возвращения Логунова с парнями, узнать, как прошла операция по отвлечению бомбардировщиков. Но от тепла и усталости глаза сами собой закрылись, голова опустилась на грудь, и Алексей задремал. Некоторое время спустя он проснулся от взволнованного голоса Бабенко. Тот неловко пытался натянуть ватник, но никак не попадал в рукав из-за тугой перевязки по всему телу.

— Алексей Иванович, проснитесь! Там наши вернулись! Не одни, летчика сбитого притащили.

Они успели как раз к появлению из землянки командира батальона. Лавров с влажными от утреннего умывания волосами и в накинутом на плечи полушубке выскочил на улицу, сощурился от сияющей белизны снега и бросился пожимать руки танкистам, измазанным гарью. На связке еловых лап двое бойцов тащили распластавшегося немецкого летчика. По земле за импровизированными саями тянулся кровавый след — пилот «Юнкерса» был тяжело ранен. Но самое главное богатство — его планшет с картами — было цело